

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470)''1918/1921''+322

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ И АНТИЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: 1917–1920 ГОДЫ

А. В. Сипейкин

Тверской государственный университет, кафедра отечественной истории, г. Тверь, Россия

В статье отражен процесс формирования советской антицерковной политики, направленной против религиозных организаций. Ключевую роль в ее реализации сыграла Антирелигиозная комиссия ЦК РКП (б), VIII отдел НКЮ и V отдел ВЧК. Исследование проводилось с учетом документов как центральных, так и региональных партийных и государственных органов. Подобный подход позволяет учитывать точку зрения как лиц, участвовавших в принятии решений, так и рядовых исполнителей. Это позволяет сочетать традиционный институциональный подход с так называемой «историей снизу». Автор делает вывод о том, что в центре имели место дискуссии, касающиеся в большей мере тактики и стратегии антирелигиозной работы, чем её целей. На местах принимались разнообразные меры борьбы с церковными организациями. Они варьировались от крайностей «эксцесса исполнителя до попыток мирного сосуществования с представителями духовенства.

Ключевые слова: советская антирелигиозная и антицерковная политика, Антирелигиозная комиссия Центрального комитета Российской коммунистической партии (большевиков).

В течение длительного времени советская антирелигиозная политика рассматривалась либо как соответствующая объективным законам общественного развития и потому «обречённая на успех», либо как компонент тоталитарного проекта. Оба подхода предполагали соответственно позитивную или негативную оценку происходившего. Между тем на рубеже XX и XXI вв. начали предприниматься попытки принципиально иного осмысления новейшей истории изменений роли религии в жизни общества. Так, американский мыслитель П. Бергер обратил внимание на то, что, хотя модернизация и связана с секуляризацией, отношения между современным обществом и религией достаточно сложны. Религиозные верования и практики принимают новые формы, включая подъём религиозных чувств. Причём религиозные общины продолжают существовать и даже процветать, не пытаясь изменять себя в соответствии с требованиями секуляризованного мира. По мнению Бергера, эксперименты с секуляризованной религией оказались в целом несостоятельными¹.

¹ Berger P. L. The desecularization of the world: a global overview // The desecularization of the world: resurgent religion and world politics (ed. P.L. Berger). Washington, D.C.: Grand rapids, 1999. P. 1–18.

Ряд исследователей полагает, что на смену «всемерному освобождению жизни общества от всякого присутствия и влияния» религии наступает так называемый «постсекуляризм», – отказ от секуляризации, когда «религия утверждается во всё более секулярной среде». В результате религия вновь получает «место во всех сферах социальной реальности». Однако постсекулярная парадигма не означает реставрации религиозного создания и институализированной религии в их старых формах и в прежней доминирующей роли². В новых условиях необходим диалог с внерелигиозным, секуляризованным сознанием. Религиозным сообществам отдаётся «дань общественного признания за тот функциональный вклад, который они вносят в дело воспроизводства желаемых мотивов и установок»³. Происходит отказ от политического распространения «секуляристского мировоззрения на всех людей»⁴. Узланер отмечает, что постсекулярное – это ещё и «новая оптика, сквозь призму которой можно совершенно иначе взглянуть на прошлое и поставить под сомнение некоторые расхожие и, казалось бы, неоспоримые факты»⁵.

Эта «новая оптика» позволяет по-иному взглянуть и на историю взаимоотношений власти и религиозных организаций в советской России. На наш взгляд, требуется новая методология изучения истории того, как меняется роль религии и религиозных организаций в обществе XX в., позволяющая отказаться от излишне категоричных оценок происходивших процессов. Необходимо избегать как апологетики «секуляризма», так и демонизации тех политиков, которые занимались насильственной секуляризацией. Представляется, что это возможно только при внимательном изучении не только процесса выработки решений, связанных с советской антирелигиозной и антицерковной политикой в высших эшелонах власти, но и истории реализации этой политики на местах. Для этого наряду с материалами центральных архивов, необходимо привлечение региональных материалов, которые в большей мере позволяют увидеть ситуацию «from the grassroots» (в рамках так называемой «истории снизу»). Поиск материалов по теме необходимо начать с анализа системы управления советской антирелигиозной политикой, поскольку он позволяет успешнее решить задачу

² Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI) Диалектика секуляризации. О разуме и религии / пер. с нем. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. С. 69–70, 75; Хоружий С. С. Постсекуляризм и ситуация человека. М., 2011.

Khabermas Yu., Rattsinger I. (Benedikt XVI), *Dialektika sekulyarizatsii. O razume i religii.* / per. s nem. M., 2006, S. 69–70, 75; Khoruzhii S. S., *Postsekulyarizm i situatsiya cheloveka*, M., 2011.

³ Там же.

Ibidem.

⁴ Там же.

Ibidem.

⁵ Узланер Д. Картография постсекулярного // Отечественные записки. 2013. № 1(52).

Uzlaner D., *Kartografiya postsekulyarnogo*, Otechestvennye zapiski, 2013, № 1(52).

архивной эвристики, поиска материалов, касающихся того или иного вопроса, связанного с основной темой исследования.

В данной статье процесс формирования системы управления советской антирелигиозной и антицерковной политикой будет рассмотрен, с одной стороны, в контексте тех глобальных изменений в истории духовной культуры, которые имели место в начале XX в., а с другой – с учётом локальных особенностей, присущих отдельным регионам.

В истории складывания системы органов управления, ведавших антирелигиозной и антицерковной политикой, можно выделить два этапа, связанных с периодами Гражданской войны и новой экономической политики. На первом этапе реализацией Декрета от 20 (23) января 1918 г. официально ведал VIII (с 1922 г. – V) отдел Народного комиссариата юстиции (НКЮ), имевший название «Отдел по проведению в жизнь Декрета об отделении церкви от государства», который возглавлял П. А. Красиков. Характерно второе, полуофициальное название органа – «ликвидационный отдел». Как отмечает М. И. Одинцов, название это было связано с ликвидацией не религий и церковных организаций, а «тех правоотношений между церковными сообществами и государством», которые существовали до революции⁶. Однако работниками отдела были люди, настроенные резко враждебно к религиозным организациям и особенно к Русской православной церкви. По замечанию А. Лууканена, ликвидационный отдел одновременно создавал законы, касавшиеся религиозной политики, консультировал по их поводу, контролировал их выполнение и управлял этой политикой. В отделе работали семь чиновников. Их сил хватало лишь на то, чтобы консультировать различные органы власти и координировать их усилия. Поэтому основную работу по реализации Декрета от 23 (20) января 1918 г. выполняли органы местной власти, получавшие инструкции сверху, но самостоятельно толковавшие их применительно к конкретным условиям. Лишь в особо сложных случаях они обращались за разъяснением в ликвидационный отдел⁷. Формально функцией VIII отдела НКЮ являлось проведение в жизнь Декрета об отделении церкви от государства, т.е. антирелигиозная пропаганда в его функции не входила. Однако в 1918 г. этот орган стал инициатором кампании по вскрытию мощей, ставшей, по сути, первым полномасштабным антирелигиозным пропагандистским мероприятием.

Значительное влияние на религиозную политику оказывала также Чрезвычайная комиссия. Официально её назначением был надзор за представителями церкви с целью выявления возможных с их стороны попыток противодействия советской власти и пресечения таковых⁸. Однако переписка главы Чрезвычайной комиссии Ф. Э. Дзержинского с заведующим

⁶ *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М., 2014. С. 63–64.

Odintsov M. I., Russkaya pravoslavnaya tserkov' nakanune i v epokhu stalin'skogo sotsializma. 1917–1953 gg., M., 2014, S. 63–64.

⁷ *Luucanen A.* The Party of Unbelief: The Religious Policy of The Bolshevic party, 1917–1927. Helsinki, 1994. P. 64–65.

⁸ *Ibid.* С. 66.

Секретным отделом ЧК Т. П. Самсоновым свидетельствует о том, что чекисты видели своей «сверхзадачей» не просто пресечение политической активности «церковников», а полное уничтожение религии и церкви как несовместимых с коммунизмом. И для достижения данной цели сотрудники ВЧК не брезговали союзом с наиболее одиозными и беспринципными представителями церковной организации⁹. Уже начиная с периода Гражданской войны органы ВЧК начали сбор информации о Русской Православной церкви и её связях с белогвардейцами. Однако масштабы такой шпионской деятельности были пока достаточно скромными в связи с тем, что не хватало «опытных в деле общения с духовенством осведомителей». Так, в августе 1920 г. уполномоченному ВЧК В. В. Фортунатову пришлось решиться на то, чтобы самому переодеться в священника и явиться в Новодевичий монастырь для наблюдения за службой патриарха Тихона. Впоследствии была создана целая сеть осведомителей, наблюдавших за деятельностью «церковников». Собранные ими данные затем станут обобщаться в информационных документах органов безопасности. Важными функциями особого VI («церковного») отделения ВЧК (затем ГПУ – ОГПУ) также стала разработка и осуществление актов репрессий в отношении духовенства¹⁰.

Если антицерковная политика формально оставалась по преимуществу в ведении советских органов власти, то ключевую роль в реализации советской антирелигиозной политики сыграла РКП (б). Фактически именно в ведении Политбюро ЦК РКП(б) находилось решение всех принципиальных вопросов, касавшихся как антирелигиозной, так и антицерковной политики. Для решения на всероссийском уровне вопросов антирелигиозной работы особое значение имела деятельность Агитационно-пропагандистского отдела ЦК и так называемой Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП (б), известной также под названиями «Комиссия по проведению отделения церкви от государства» и «Комиссия по антирелигиозной пропаганде». Первое из указанных названий использовалось самой комиссией, второе название фигурирует в документах Политбюро ЦК. Как отмечает И.А. Курляндский, создание этого органа в сентябре–октябре 1922 г. означало централизацию всего антирелигиозного дела в стране. По оценке историка, новый орган представлял собой тайную бюрократическую организацию, чей персональный состав должен был обеспечить тесную связь с ГПУ, церковным отделом Наркомюста и Агитпропом ЦК¹¹.

⁹ Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Кн. 1. С. 34–35.

Neizvestnaya Rossiya. XX vek, M., 1992, Kn. 1, S. 34–35.

¹⁰ *Кашеваров А. Н.* Православная российская церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 230.

Kashevarov A. N., Pravoslavnaya rossiiskaya tserkov' i sovetskoe gosudarstvo (1917–1922), M., 2005, S. 230.

¹¹ *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.), М., 2001. С. 168–169.

Kurlyandskii I. A., Stalin, vlast', religiya (religiozni i tserkovnyi faktory vo vnutrennei politike sovetskogo gosudarstva v 1922–1953 gg.), M., 2001, S. 168–169.

Как доказывает С.Г. Петров, Антирелигиозная комиссия «стала основным инициатором постановки на Политбюро «церковных» вопросов. Протоколы комиссии стали «своеобразными «протографами» «церковных» постановлений политбюро. Наряду с Антирелигиозной комиссией (хотя и заметно реже) «церковные» проблемы перед высшим партийным органом ставили также ГПУ–ОГПУ и Народные комиссариаты иностранных дел и финансов¹². Именно Антирелигиозная комиссия являлась органом, планировавшим и координировавшим религиозную политику¹³. Общие фразы резолюций партийных съездов расшифровывали для региональных парткомов, конкретизировали и переводили в область практических действий с помощью секретных антирелигиозных циркуляров ЦК РКП (б). Проекты циркуляра и резолюции готовили члены Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП (б), а затем уже окончательно редактировали члены и кандидаты в члены Организационного бюро РКП (б) и сотрудники бюро секретариата ЦК РКП (б)¹⁴.

В составе Антирелигиозной комиссии ЦК РКП (б) сохранялось основное ядро антирелигиозной комиссии Агитпропа, существовавшей с июля 1921 г. Кроме специалистов-антирелигиозников из Агитпропа в комиссию вошли представители ВЦИК (П. Г. Смидович), ГПУ (В. Р. Менжинский, Т. Д. Дерibas, Е. А. Тучков) и Наркомюста (П. А. Красиков). В дальнейшем количество членов комиссии постоянно увеличивалось¹⁵. Предполагалось, что вслед за созданием новой комиссии будут упразднены все «остальные многочисленные ведомственные комиссии и «тройки» по различным религиозным вопросам»¹⁶.

Предшественниками Антирелигиозной комиссии на уровне Московского комитета РКП (б), являлись «Религиозная комиссия» и «Совещание

¹² Петров С. Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП (б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.) / отв. ред. Н. Н. Покровский. М., 2004. С. 383, 388, 391.

Petrov S. G., *Dokumenty deloproizvodstva Politbyuro TsK RKP (b) kak istochnik po istorii Russkoi tserkvi (1921-1925 gg.)*, отв. ред. N. N. Pokrovskii, M., 2004, S. 383, 388, 391.

¹³ Архивы Кремля: в 2-х кн. М.; Новосибирск, 1997. Кн. 1: Политбюро и церковь. 1922 – 1925 гг. С. 324–325; *Кашевaров А. Н.* Указ. соч. С. 242–246; *Савельев С.* Бог и комиссары: К истории комиссии по отделению церкви от государства при ЦК ВКП(б) – антирелигиозной комиссии // Религия и демократия. На пути к свободе совести. М., 1993. Вып. 2. С. 178.

Arkhivy Kremlya: v 2-kh kn., M.; Novosibirsk, 1997, Kn. 1: Politbyuro i tserkov'. 1922–1925 gg., S. 324–325; *Kashevarov A. N.*, *Op. cit.*, S. 242–246; *Savel'ev S.*, *Bog i komissary: K istorii komissii po otdeleniyu tserkvi ot gosudarstva pri TsK VKP(b) – antireligioznoi komissii*, *Religiya i demokratiya. Na puti k svobode sovesti*, M., 1993, Vyp. 2, S. 178.

¹⁴ Петров С. Г. Указ. соч. С. 342.

Petrov S. G., *Op. cit.*, S. 342.

¹⁵ Там же. С. 301.

Ibid, S. 301.

¹⁶ Там же. С. 249–250.

Ibid, S. 249–250.

по антирелигиозной пропаганде». В рамках этих органов выделялось т. н. «рабочее ядро», собиравшееся для решения различных вопросов, касавшихся организации и методики ведения антирелигиозной пропаганды. Распоряжения «религиозной комиссии» рассылали не только уездным и районным комитетам партии, но и местным советским органам власти. Например, Губполитпросвету в июне 1921 г. было предписано «усилить количество зрелищ по воскресеньям для отвлечения масс от церковных зрелищ»¹⁷. В районах и уездах «религиозная комиссия» предписывала создать «организационные тройки», которые должны были заниматься сбором информации об антирелигиозной пропаганде и проводить в жизнь планы вышестоящего подразделения¹⁸. Существовали и другие местные республиканские, губернские, краевые и областные комиссии. Однако «местные органы проявляли слишком много самостоятельности и были упразднены»¹⁹.

Теоретически атеистическая пропаганда являлась также зоной ответственности Народного комиссариата просвещения. Однако, как жаловался Е. Ярославский, этот орган (как и Главполитпросвет) мало обращал внимания на свои антирелигиозные обязанности. Лидера воинствующих безбожников возмущал тот факт, что Наркомпрос находил средства для восстановления церквей, «которые лучше было бы сломать», и для содержания духовных капелл и не хотел «поддержать такую важную отрасль работы, как область антирелигиозной пропаганды». Представители Наркомата просвещения отказывались даже явиться на проводившиеся в ЦК РКП (б) антирелигиозные совещания²⁰. Возможно, что Е. Ярославский несколько преувеличивал. Отдельные представители ведомства, ответственного за просвещение народных масс, пытались выполнить свой атеистический долг. Однако качество их работы не всегда отвечало заданным стандартам. В Агитационно-пропагандистском отделе с тревогой писали об «разъезжающих от имени Наркомпроса и по провинции лекторов и «профессоров». Многие из них, как отмечалось, «портят своим поведением дело антирелигиозной пропаганды»²¹. Ещё одним органом, ведавшим вопросами, связанными с реализацией советской политики в отношении церкви и верующих, была Антирелигиозная коллегия, существовавшая при Госиздате²².

¹⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 29; Д. 114.

Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), F. 17, Op. 60, D. 29, D. 114

¹⁸ Там же.

Ibidem.

¹⁹ *Кашеваров А. Н.* Указ. соч. С. 242–246; *Савельев С.* Указ. соч. С. 178.

Kashevarov A. N., *Op. cit.*, S. 242–246; *Savel'ev S.*, *Op. cit.*, S. 178.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 792.

RGASPI, F. 17, Op. 60, D. 792.

²¹ Там же. Д. 793.

Ibid, D. 793.

²² Там же. Д. 4.

Ibid, D. 4.

Руководители различных государственных ведомств и партийные функционеры в начальный период существования советского строя далеко не всегда были едины в своих подходах к решению так называемого «религиозного вопроса». Как отмечает А. Лууканен, по вопросам, связанным с религиозной политикой, велись не афишируемые, но оживлённые споры и дискуссии²³. Среди людей, относившихся к религиозным организациям достаточно терпимо, называют В. Д. Бонч-Бруевича. В первые месяцы Советской власти он возглавил межведомственную комиссию, занимавшуюся вопросами, связанными с религиозными организациями. За более миролюбивую религиозную политику в рассматриваемый период выступали также Л. Б. Каменев и заботившийся о международной репутации советского государства нарком иностранных дел Г. В. Чичерин. Однако это миролюбие объяснялось не столько сочувствием к религиозным организациям, сколько убеждённости в том, что в активной антирелигиозной деятельности нет необходимости, так как религия будет отмирать сама собой по мере приближения к коммунизму. «Умеренной» А. Лууканен называл позицию главы Наркомпроса А. Луначарского²⁴.

Выделять «мягких» («доброжелательных») и «жёстких» членов Политбюро ЦК РКП(б) при решении церковного вопроса склонны также такие историки, как Н. А. Кривова, В. А. Алексеев, М. Ю. Крапивин, М. И. Одинцов и М. В. Шкаровский²⁵. И. А. Курляндский считает, что такое деление не основательно, поскольку есть факты, свидетельствующие как о том, что «мягкие» политики совершали жёсткие шаги в борьбе с церковью, так и о том, что «жёсткие» политики совершали поступки, соответствующие «мягкой» линии». В период новой экономической политики, по мнению историка, такие большевики, как Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский, М. И. Калинин и П. Г. Смидович считали, что в данный исторический период использование административных методов в борьбе с религией не целесообразно. Однако это объяснялось вовсе не тем, что эти

²³ Лууканен А. *Op. cit.* P. 128.

²⁴ *Ibid.* С. 66-67, 127, 138.

²⁵ Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 94–96; Крапивин М. Ю., Далгатов А. Г., Макаров Ю. Н. Внутриконтфессиональные конфликты и проблемы межконтфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.) СПб., 2005. С. 49; Кривова Н. А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. С. 32; Одинцов М. И. Указ. соч. С. 78; Шкаровский М. В. Русская Православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 2005. С. 77.

Alekseev V. A., *Illyuzii i dogmy*, M., 1991, S. 94–96; Krapivin M. Yu., Dalgatov A. G., Makarov Yu. N., *Vnutrikonfessional'nye konflikty i problemy mezhkonfessional'nogo obshcheniya v usloviyakh sovetskoi deistvitel'nosti (oktyabr' 1917 – konets 1930-kh gg.)*, SPb., 2005, S. 49; Krivova N. A., *Vlast' i Tserkov' v 1922–1925 gg. Politbyuro i GPU v bor'be za tserkovnye tsennosti i politicheskoe podchinenie dukhovenstva*, M., 1997. S. 32; Odintsov M. I., *Op. cit.*, S. 78; Shkarovskii M. V., *Russkaya Pravoslavnaya tserkov' pri Staline i Khrushcheve (Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 godakh)*, M., 2005, S. 77.

политики были в принципе против жёсткого подавления инакомыслящих, а тем, что они были приверженцами «развития на основе нэповских принципов, что диктовало и большую мягкость в вопросе о религии»²⁶. Другой исследователь, А. Н. Кашеваров, делает акцент на различиях тактических приёмов борьбы против церкви, не выделяя представителей «жёсткой» и «мягкой» линии²⁷. Такой подход представляется наиболее плодотворным, поскольку вполне очевидно, что для всех большевиков стратегической целью было уничтожение религии и церкви как таковых. Любые «послабления» рассматривались ими как вынужденные и временные.

Из всех большевиков, участвовавших в принятии решений по вопросам, связанным с антицерковной и антирелигиозной политикой особый интерес исследователей, наряду со сторонником «жёсткой линии» Л. Д. Троцким, вызывает бывший семинарист И. В. Сталин. Интересно, что если Н. А. Кривова относит его к сторонникам «жёсткой» линии в борьбе с церковью, то А. Лууканен – скорее к сторонникам «мягкой» линии. Финский историк считает даже, что его позиция выделялась среди остальных большевиков своей разумностью²⁸. Данные разногласия связаны с тем, что отношение будущего вождя народов к религии и церкви было неоднозначным. Б. С. Илизаров считает, что он, перестав быть верующим, не стал столь же убеждённым атеистом, как В. И. Ленин. Отношение генерального секретаря ВКП (б) к вопросу о необходимости принятия тех или иных мер в сфере антицерковной политики было предельно прагматично. По оценке И. А. Курляндского, враждебность И. В. Сталина к религии «питалась скорее не идейным атеизмом, а низменными побуждениями отстаивающего свою абсолютную власть и готового ради неё идти на любые преступления политика, который видел в религиозных системах, с их неизбежными нравственными табу и высокими моральными нормами, прямую угрозу своему политическому и моральному господству над подвластным населением»²⁹. Разрыв существовавших в обществе духовных (так же, как и семейных) связей был важен для вождя как способ добиться атомизации общества, поскольку, как отмечает исследователь, «таким социумом было проще управлять»³⁰.

Вслед за учреждением в апреле 1918 г. Отдела по проведению в жизнь Декрета по отделению церкви от государства при Народном комиссариате юстиции (НКЮ), в мае 1918 г. были созданы аналогичные отделы

²⁶ Курляндский И. А. Указ. соч. С. 94–95, 138–139, 151, 163, 204–206.

Kurlyandskii I. A., *Op. cit.*, S. 94–95, 138–139, 151, 163, 204–206.

²⁷ Кашеваров А. Н. Указ. соч. С. 230–231.

Kashevarov A. N., *Op. cit.*, S. 230–231

²⁸ Лууканен А. *Op. cit.* P. 138.

²⁹ Курляндский И. А. Указ. соч. С. 37, 74.

Kurlyandskii I. A., *Op. cit.*, S. 37, 74.

³⁰ Там же.

Ibidem.

при губернских советах народных депутатов и отделах юстиции³¹. НКЮ ревниво отстаивал право губернских отделов юстиции на руководство проведением в жизнь Декрета от 23 (20) января 1918 г. на местах³². Однако нередко в реальности руководство этим процессом осуществляли местные отделы управления Народного комиссариата внутренних дел. Иногда на местах создавались специальные подразделения для проведения религиозной политики. Так, в Калужской губернии в 1918 г. действовал Губернский комитет по религиозным делам, в Ярославской – Комитет церковно-монастырских имуществ³³. Процесс отделения церкви от государства в Тверской губернии весной 1918 г. осуществлял Вероисповедный отдел Народного комиссариата внутренних дел³⁴. Однако этот орган был сочтён недостаточно активным. В конце 1918 г. все его дела были переданы в Губернский отдел юстиции³⁵.

На уездном уровне религиозной политикой ведали уездные Советы. Были случаи создания специальных уездных и даже волостных комиссий по отделению церкви от государства³⁶. Такие комиссии действовали, например, в Осташковском и Ржевском уездах Тверской губернии. Однако в рамках одного региона система управления антирелигиозной политикой могла быть различной. В уездах работой могли ведать и отделы юстиции (например, в Зубцовском уезде), и местные отделы управления (в соседнем Старицком уезде)³⁷. В 1923 г. губернские отделы НКЮ и действовавшие при них отделы

³¹ Регельсон Л. Л. Трагедия Русской церкви. 1917–1945. М., 1996. С. 239; Русская Православная церковь и коммунистическое государство в 1917–1941: Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 11.

Regel'son L. L., Tragediya Russkoi tserkvi. 1917–1945, M., 1990, S. 239; Russkaya Pravoslavnaya tserkov' i kommunisticheskoe gosudarstvo v 1917–1941: Dokumenty i fotomaterialy, M., 1996, S. 11.

³² Революция и церковь. 1919. № 3–5. С. 60; № 6–8. С. 117.

Revolutsiya i tserkov', 1919, № 3–5, S. 60; № 6–8, S. 117.

³³ Коголь Т. Н. Русская Православная церковь и советское государство в 1917–1927 гг. : (На материалах Западной Сибири): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1995.

Kogol' T. N., *Russkaya Pravoslavnaya tserkov' i sovetskoe gosudarstvo v 1917–1927 gg.*: (Na materialakh Zapadnoi Sibiri), avtoref. dis. ... kand. ist. nauk, Tomsk, 1995

³⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. А–353. Оп. 2. Д. 706.

State Archive of the Russian Federation (GA RF), F. A–353, Op. 2, D. 706.

³⁵ Революция и церковь. 1919. № 6–8. С. 118.

Revolutsiya i tserkov', 1919, № 6–8, S. 118.

³⁶ Там же. 1920. № 9–12. С. 106.

Ibid, 1920, № 9–12, S. 106.

³⁷ ГА РФ. Ф. А–353. Оп. 3. Д. 758; Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р–2341. Оп. 1. Д. 4.

GA RF, F. A–353, Op. 3, D. 758; State Archives of the Tver region (GATO), F. R–2341, Op. 1, D. 4.

по отделению церкви от государства прекратили своё существование. Их обязанности взяли на себя региональные структуры НКВД³⁸.

Созданные на местах органы по проведению политики советской власти в отношении религиозных организаций вопреки провозглашённому принципу отделения церкви от государства вмешивались во внутренние дела церкви. Например, тверской губернский комиссар по вероисповедному отделу Ф. Сеницын в апреле 1918 г. предъявил Тверскому епархиальному совету требование «не посылать своих протоколов и распоряжений на утверждение преосвящённым»³⁹. Самарский Комиссариат по вероисповедным делам разослал причтам циркулярное предписание «совершать обряды венчания граждан, разведённых гражданским судом по декрету народных комиссаров», что противоречило церковным канонам⁴⁰. Для некоторых местных органов, отвечавших за политику в отношении церковных организаций, был характерен переход от полного бездействия к излишнему рвению, приводившему к нарушению советских законов. Так, в феврале 1921 г. в Крыму была создана межведомственная комиссия при отделе юстиции, ответственная за реализацию отделения церкви от государства. Однако первоначально этот орган существовал лишь на бумаге, заседания срывались из-за неявки членов комиссии. К работе комиссия смогла приступить лишь с сентября 1921 г. В нарушение существовавших нормативных актов она соглашалась передавать культовые здания и имущество лишь при условии натуральной оплаты со стороны верующих⁴¹.

Иногда колебания местных органов власти в отношении к религии и церкви принимали ещё более причудливые формы. Показателен пример Осташковского исполнительного комитета. 9 июня 1920 г., в день обретения мощей Нила Столобенского, «разоблачённых» в 1919 г., все советские учреждения были закрыты и их работники, в том числе и представители Осташковского уисполкома, вместе со всеми богомольцами отправились в Нилову Пустынь. Причём перевозка желавших принять участие в церемонии была организована представителями власти. Идиллия союза между советской властью и церковью была нарушена на следующий день, когда за произнесённую «черносотенно-погромную речь» был арестован участво-

³⁸ Крапивин М. Ю., Далгатова А. Г., Макаров Ю. Н. Указ. соч. С. 49; Одинцов М. И. Указ. соч. С. 155.

Krapivin M. Yu., Dalgatova A. G., Makarov Yu. N., *Op. cit.*, S. 49; Odintsov M. I., *Op. cit.*, S. 155

³⁹ Следственное дело патриарха Тихона: сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 452.

Sledstvennoe delo patriarkha Tikhona: sbornik dokumentov po materialam Tsentral'nogo arkhiva FSB RF, M., 2000, S. 452.

⁴⁰ Там же. С. 464.

Ibid, S. 464.

⁴¹ Катунин Ю. А. Православие Крыма в 1917–1939 годах: проблема взаимоотношений с государством. Симферополь, 2002. С. 196–197.

Katunin Yu. A., *Pravoslaviye Kryma v 1917–1939 godakh: problema vzaimootnoshenii s gosudarstvom*, Simferopol', 2002, S. 196–197.

вавший в празднестве епископ Серафим. Вместе с архиереем к суду были привлечены и некоторые представители местной власти, участвовавшие в организации празднества⁴².

Этот случай мог быть обусловлен особенностями ситуации, сложившейся в Осташкове. Незадолго до описанных событий в Осташковском уезде произошёл конфликт между верующим населением и безбожной властью, вылившийся в так называемое «Преображенское восстание» 25 февраля 1918 г. Поводом к нему стало удаление плиты с памятной надписью из Преображенского собора. Конфликт был вызван не в последнюю очередь нарушениями со стороны представителей власти, которые затем были осуждены за хищения, в том числе церковного и монастырского имущества. Немалую роль в обострении ситуации сыграл и вопрос о мощах, отношение к которым со стороны представителей власти было крайне неуважительное⁴³. Рассмотренный выше случай празднования обретения мощей Нила Столобенского можно, оценить как попытку примирения между религиозно настроенным населением Осташкова и представителями власти.

Постепенно все местные ликвидационные и прочие комиссии были упразднены, ответственными за практическое проведение религиозной политики были признаны отделы управления. За отделами юстиции были сохранены лишь функции общего надзора и инструктирования по вопросам, связанным с реализацией «церковного декрета». В целях согласования работы разных ведомств было решено образовывать в губерниях «ответственные тройки», «в которые входили бы представители от отдела юстиции, отдела управления и Губернской ЧК»⁴⁴.

По мнению работников VIII отдела Народного комитета юстиции, уездные органы власти в Тверской губернии были недостаточно активны в деле проведения в жизнь советской религиозной политики⁴⁵. Однако ликвидационный отдел вообще часто выражал недовольство тем, насколько интенсивной была работа местных комиссий по отделению церкви от государства⁴⁶. В случае с Ржевской уездной комиссией по отделению церкви от государства невыполнение советского антирелигиозного законодательства объяснялось саботажем местных советских служащих, пренебрегавших посещением заседаний комиссии⁴⁷. Представители ликвидационного отдела были склонны объяснять «злостный саботаж» местных чиновников их ре-

⁴² Тверская правда. 1920. 15 июня; 16 июня; ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 383. Л. 205. Tverskaya Pravda, 1920, 15 iyunya; 16 iyunya; GA RF, F. A-353, Op. 4, D. 383, L. 205.

⁴³ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 360. Т. 1-2.

ГАТО, F. R-1998, Op. 1, D. 360, T. 1-2.

⁴⁴ Революция и церковь. 1922. № 1-3. С. 67.

Revolyutsiya i tserkov', 1922, № 1-3, S. 67.

⁴⁵ Там же. 1919. № 6-8. С. 118.

Ibid, 1919, № 6-8, S. 118.

⁴⁶ Там же. 1922. № 2. С. 41.

Ibid, 1922, № 2, S. 41.

⁴⁷ ГАТО. Ф. Р-2341. Оп. 1. Д. 4.

ГАТО, F. R-2341, Op. 1, D. 4

лигиозными и политическими убеждениями – тем, что они сделались «игрушкой в руках местных ловких церковников»⁴⁸. Однако возможно, что недостаточная активность представителей местной власти могла объясняться и другими причинами, например, нежеланием обострять отношения с массами верующих.

В 1920-е гг. окончательно складывается система органов управления антицерковной и антирелигиозной политикой, позволившая начать «работу по планомерному и последовательному вытеснению церкви из всех сфер общественной жизни»⁴⁹. Для осуществления непосредственного и прямого контроля этой деятельностью при ЦК РКП (б) создаётся комиссия по церковным и антирелигиозным делам. В документах Политбюро она называлась «Антирелигиозной комиссией при ЦК РКП (б)». Она стала «центрально-планирующим и координирующим церковную политику органом»⁵⁰. Направления его работы определяло Политбюро ЦК РКП (б)⁵¹.

На данном этапе становится более явным различие в подходах к антицерковной борьбе между НКЮ и ВЧК (ГПУ–ОГПУ) и делается выбор в пользу чекистов. Как отмечает А. Н. Кашеваров, если для руководителя VIII (затем – V) отдела НКЮ П. А. Красикова было характерно стремление продолжать проводить политику «кавалерийских атак» на Русскую Православную церковь, то VI отделение ВЧК предпочитало наряду с осуществлением актов репрессий против духовенства развёртывать осведомительную и агентурную работу среди мирян, иереев и епископата. Одним из проявлений этой политики была организация раскола в Церкви. Данная задача была поставлена Политбюро ЦК и успешно выполнена усилиями ГПУ. Решения, касавшиеся антицерковной и антирелигиозной политики, принимались в ЦК РКП (б). Их реализация поручалась главным образом органам ГПУ–ОГПУ. V отдел НКЮ низводится до положения «экспертно-консультативного органа», доведя до губернских исполкомов решения партии и контролировавшего газетные публикации «церковного характера». В 1924 г. он был упразднён⁵².

Наоборот, значение VI отделения секретного отдела ГПУ возрастало. А. В. Луначарский называет главу этого отделения Е. А. Тучкова «своеобразным Победоносцевым при церковном управлении»⁵³. По признанию

⁴⁸ Революция и церковь. 1922. № 1–3. С. 68.

Revolyutsiya i tserkov', 1922, № 1–3, S. 68.

⁴⁹ Кашеваров А. Н. Указ. соч. С. 242, 246–247; Архивы Кремля. Кн. 1. С. 85, 324.

Kashevarov A. N., *Op. cit.*, S. 242, 246–247; Arkhivy Kremlya, Kn. 1, S. 85, 324.

⁵⁰ Там же.

Ibidem.

⁵¹ Там же.

Ibidem.

⁵² Кашеваров А. Н. Указ. соч. С. 230, 240, 245; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 50, 58.

Kashevarov A. N., *Op. cit.*, S. 230, 240, 245; RGASPI, F. 17, Op. 112, D. 565-a, L. 50, 58.

⁵³ Архивы Кремля. Кн. 2. С. 355.

наркома, сторонники патриарха Тихона «на всех перекрёстках говорят о рабской зависимости обновленческой церкви от ГПУ – Тучкова, что вряд ли для нас выгодно»⁵⁴.

Всю «практическую церковную политику на местах» в 1920-е гг. осуществляли губернские отделы ГПУ⁵⁵. Им подчинялись губернские административные отделы и милиция⁵⁶. Местные партийные органы всё активнее пытались вовлечь в антирелигиозную работу кооперативы, профсоюзы, местные исполкомы и органы народного просвещения. В частности, общественным организациям и советским органам власти предписывались финансирование деятельности Союза безбожников, включение антирелигиозной работы в учебные программы и т. п.⁵⁷ Повседневная организационная работа, связанная с религиозными организациями (например, регистрация религиозных общин, утверждение уставов, заключение договоров, наблюдение за сохранностью культового имущества, проверка его, оценка и т. п.), была возложена на губернские административные отделы. С конца 1920-х гг. значительная её часть поручается уездным административным отделам, сельсоветам и волисполкомам⁵⁸.

В связи с усилением значения органов ГПУ в проведении антицерковной и антирелигиозной политики после 1922 г. стала активно использоваться политика внедрения в состав духовенства секретных агентов. В 1924 г. глава VI отделения писал, что «почти каждая губерния имеет удовлетворительный осведомительный аппарат»⁵⁹. Через агентов ОГПУ осуществлялась организация «обновленческого» раскола в Русской Православной церкви. Именно его осведомители, по признанию самого Е. А. Тучкова, организовали давление на патриарха Тихона и вынудили его передать им церковную власть и уйти в Донской монастырь⁶⁰. Если бы возобладала точка зрения НКЮ о необходимости допущения «свободной конкуренции Тихоновской и обновленческой церквей»⁶¹, последняя просто-напросто не выдержала бы конкуренции и исчезла. Она, по признанию самого

Arkhiy Kremlya, Kn. 2, S. 355.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 184.

RGASPI, F. 89, Op. 4, D. 185.

⁵⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а.

Ibid, F. 17, Op. 112, D. 443-a.

⁵⁶ ГАТО. Ф. Р-478. Оп. 1. Д. 112.

ГАТО, F. R-478, Op. 1, D. 112.

⁵⁷ Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3858.

Tver center of modern history documentation (TTsDNI), F. 1, Op. 1, D. 3858.

⁵⁸ ГАТО. Ф. Р-478. Оп. 1. Д. 171.

ГАТО, F. R-478, Op. 1, D. 171.

⁵⁹ Архивы Кремля. Кн. 2. С. 416; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 38.

Arkhiy Kremlya, Kn. 2, S. 416; RGASPI, F. 17, Op. 112, D. 443-a, L. 38.

⁶⁰ Там же.

Ibidem.

⁶¹ Архивы Кремля. Кн. 2. С. 432.

Arkhiy Kremlya, Kn. 2, S. 432.

Е. А. Тучкова, могла существовать только при поддержке ОГПУ⁶². Такая поддержка, разумеется, противоречила советскому законодательству об отделении церкви от государства, но соответствовала задачам большевиков. Строгое следование законодательству означало бы снижение темпов вытеснения религии из всех сфер жизни общества. Поскольку соблюдение законодательства было в числе задач НКЮ, его устранение как ведущего органа по осуществлению советской политики в отношении религиозных организаций было вполне закономерно.

Важную роль в реализации советской политики в отношении религии и церкви играли органы РКП (б). Однако до конца 1922 г. антирелигиозная работа проводилась местными партийными органами несистематично. Как отмечается в одной из сводок, она входила «как более или менее случайный элемент в работу агитпропов на местах». Систематическая разработка вопросов антирелигиозной пропаганды в марксистских кружках «повышенного типа», готовивших товарищей, выступавших затем «с докладами и лекциями в рабочих, крестьянских и красноармейских аудиториях», началась лишь в период НЭПа⁶³.

Полномочия, связанные с осуществлением партийными органами антирелигиозной политики, не были чётко разграничены. Некоторые участники совещаний по вопросам антирелигиозной пропаганды, проводившихся в 1920-е гг. при ЦК РКП (б), жаловались на «полную неразбериху» в организации антирелигиозных комиссий. В рамках одного Одесского округа существовали две антирелигиозные комиссии, так называемые «нижняя палата и верхняя палата». Во главе «нижней палаты» стоял заведующий подотделом антирелигиозной пропаганды. В эту «палату» входили беспартийные «спецы», занимавшиеся исключительно вопросами антирелигиозной просветительской пропаганды. «Верхнюю палату» (высшую антирелигиозную комиссию) возглавлял секретарь окружкома. В ЦК Коммунистической партии Украины также имелась «высшая комиссия», во главе которой стоял заведующий организационно-распределительным бюро ЦК КПУ. Эта комиссия вела общую церковную политику. В результате вместе с Союзом безбожников на одной территории антирелигиозной пропагандой ведали три организации⁶⁴.

Одной из главных причин «сбоев» при осуществлении антицерковной и антирелигиозной политики на местах была нехватка квалифицированных кадров антирелигиозников. Во время антирелигиозных диспутов недостаточные знания по истории религии и естественным наукам приводили к результатам, противоположным ожидавшимся⁶⁵. Плохая организа-

⁶² Архивы Кремля. Кн. 2. С. 442

Arkhiyvy Kremlya, Kn. 2, S. 442.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 438.

RGASPI, F. 17, Op. 60, D. 438.

⁶⁴ Там же. Д. 792.

Ibid, D. 792.

⁶⁵ Там же. Д. 52.

Ibid, D. 52.

ция диспутов имела своим следствием «торжество попов». Поэтому внимание местных антирелигиозников обращалось «на организационную сторону и подготовку к диспутам в смысле достаточного количества подготовленных товарищей, выработки соответствующего регламента, постановки диспутов в предварительно подготовленной в просветительском отношении аудитории»⁶⁶. Рекомендовалось также позаботиться о надлежащем социальном составе слушателей⁶⁷. В числе неудачных способов воздействовать на умы верующих называлось наряду с недостаточно подготовленными диспутами «попоедство» и «муллоедство», заключавшееся в злом высмеивании духовенства с использованием пошлых шуток. Критику неэффективных методов местные партийные и комсомольские организации иногда понимали как сигнал о том, что антирелигиозную пропаганду не надо вести вообще. В рассылавшихся местным партийным организациям инструкциях вопросы методов не были проработаны достаточно подробно. В частности, не учитывались особенности агитации в городе и деревне, специфика пропаганды среди представителей разных конфессий⁶⁸.

Разумеется, что самые подробные инструкции не могли предотвратить такие формы антирелигиозной работы, практиковавшиеся коммунистами в некоторых деревенских ячейках, как расстрел икон («Вот, мол, мне Бог ничего не делает за это»). Указывались также случаи, когда комсомольцы «прикуривают папиросу во время богослужения у лампадок, пускают воробьёв во время богослужения, и верующие не могут молиться, потому что внимание сосредоточивается на воробьях»⁶⁹. Подобные случаи не могли способствовать успеху антирелигиозной пропаганды. В эпоху Гражданской войны имело место стремление многих рядовых коммунистов сразу и навсегда решить «религиозный вопрос» в ходе так называемых «кавалерийских атак» на церковь. Однако это была во многом инициатива с мест, «власть скорее провоцировала расправу, нежели уничтожала сама»⁷⁰. Но вскоре стало понятно, что такие методы приводят к результатам, обратным ожидаемым. На съездах партии, имевших место в период новой экономической политики, принимались постановления о необходимости тактичного отношения к верующим в ходе проведения антирелигиозных кампаний.

Однако часто причины неудач при проведении советской политики в отношении религии и церкви были связаны с тем, что представители мест-

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 114.

RGASPI, F. 17, Op. 60, D. 114.

⁶⁷ Там же.

Ibidem.

⁶⁸ Там же. Д. 791.

Ibid, D. 791.

⁶⁹ Там же

Ibidem.

⁷⁰ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002. С. 209.

Leont'eva T. G., *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.*, М., 2002, S. 209.

ной власти вообще не считали борьбу с религией делом необходимым и важным. Е. Ярославский жаловался на то, что в некоторых подразделениях партии «возникали сомнения и даже отрицательные отношения к тому, что нам вообще нужны какие бы то ни было антирелигиозные организации»⁷¹. Это «ликвидаторское настроение» проявлялось в том, что появилось стремление «вытравить всякое атеистическое содержание из нашей работы»⁷². Антирелигиозная деятельность на местах, как отмечает лидер воинствующих безбожников, часто подменялась краеведением и естествознанием⁷³. На проводившихся в центре антирелигиозных совещаниях жаловались, что нередко партийные работники воспринимали антирелигиозную работу как «побочную» и даже не считали её партийной. Часто антирелигиозные кампании проводились только силами комсомольских организаций, что «не всегда давало хорошие результаты». Выход был найден в том, чтобы антирелигиозная пропаганда «стала считаться за партнагрузку». Начинают создаваться кружки безбожников⁷⁴.

Иногда на местах имел место не просто отказ от антирелигиозной работы, но появлялось стремление наладить хорошие отношения с представителями духовенства. В сводке 1923 г. отмечается, что в Царицынской губернии «зачастую в деревнях наши товарищи заискивают перед попами, которые имеют влияние и ведут политику подчинения власти церкви». Как примеры этого заискивания приводятся случаи встречи представителем местной власти приехавшего в село архиерея и открытие церкви на месте закрытой школы⁷⁵. Согласно письму секретаря Вознесенской волостной организации РКП (б) Шадринского уезда Екатеринбургской губернии Сотниковой, написанному в мае 1921 г., из 40 членов организации от религии отказались лишь 3 человека. «Из остальных – половина думает, что коммунизм – хорош и религия – хороша; то и другое можно совместить... Партийные на местах в общей своей массе смотрят на религиозную область сквозь пальцы – дескать, это ещё не велика беда». Сознательные члены партии сетовали на то, что их товарищи уклоняются от антирелигиозных собраний, крестят своих детей, венчаются в церкви и присутствуют на похоронах с участием «попов». Последние охотно вспоминали о подобных случаях во время проведения антирелигиозных лекций, сводя на нет эффект от проведённого мероприятия. С негодованием описывались казусы, когда «секретарь волостного комитета, теперь председатель Волисполкома,

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 791.

RGASPI, F. 17, Op. 60, D. 791.

⁷² Там же.

Ibidem.

⁷³ Там же.

Ibidem.

⁷⁴ Там же; Д. 793.

Ibidem; D. 793.

⁷⁵ Там же. Д. 438.

Ibid, D. 438.

ходит в церковь и поёт на клиросе вместе с псаломщиком»⁷⁶. Данные факты авторы «тревожных писем» объясняли тем, что в составе местных партийных организаций преобладали крестьяне. Авторы некоторых документов рекомендовали поэтому действовать «через близкие нам и не порвавшие с деревней рабочие круги»⁷⁷. Это должно было, по их мнению, способствовать успеху антирелигиозных мероприятий⁷⁸.

Случаи «преступного попустительства» в отношении «попов» вызывали искреннее возмущение среди сознательных коммунистов. Серпуховский уездный комитет РКП (б) в июле 1921 г. поместил в «Правде» обращение ко всем организациям и членам РКП (б), в котором предлагалось исключать из партии не только всех посещающих церковь, но даже тех коммунистов, которые присутствуют на похоронах, организованных в соответствии с православными обрядами. Оговаривалась необходимость изгнания из партии коммунистов, которые не способны «отклонить от религии» свою жену. Согласно серпуховским антирелигиозникам, «отношение мужа-коммуниста к религиозной жене должно характеризоваться постоянным разубеждением её в религии, как обмане»⁷⁹, приносящем вред. Исключение делалось лишь для тех членов партии, у которых были религиозные родители и поэтому в их доме находились иконы⁸⁰. В уставе РКП (б) была зафиксирована не столь жёсткая формула. До октября 1917 г. В. И. Ленин даже допускал возможность приёма в партию рабочих, «сохранивших те или иные остатки старых предрассудков»⁸¹. Однако 9 августа 1921 г. ЦК РКП (б) принял постановление, согласно которому следовало поставить «перед членами партии... ультимативное требование прекратить связь с церковью какого бы то ни было вероисповедания и исключить из партии, если они этой связи не прекращают»⁸². Упорная борьба с «религиозными пережитками» среди членов партии находит своё объяснение в рамках социологии познания. Атеизм являлся неотъемлемой частью той картины мира, которая внедрялась в массовое сознание вместе марксистско-ленинской идеологией. Воинствующее безбожие служило признаком лояльности членов партии и залогом их «правильного» поведения в качестве агентов распространения среди «тёмных» народных масс единственно

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 52.

RGASPI, F. 17, Op. 60, D. 52.

⁷⁷ Там же.

Ibidem.

⁷⁸ Там же.

Ibidem.

⁷⁹ Там же. Д. 114.

Ibid, D. 114.

⁸⁰ Там же.

Ibidem.

⁸¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 17. С. 422.

Lenin V. I., *Polnoe sobranie sochinenii*, T. 17, S. 422

⁸² Известия ЦК РКП(б). 1921. № 33. С. 32.

Izvestiya TsK RKP(b), 1921, № 33, S. 32.

верного представления о реальности. Можно провести определённые аналогии с современной ситуацией на Западе, когда чисто светский взгляд на мир является особенностью субкультуры европейски-образованной элиты, вызывающей негодование у значительной доли других социальных слоёв. Представители последних выражают недовольство навязыванием им и их детям чуждых светских «глобалистских» ценностей, осуществляемым через систему образования и средства массовой информации⁸³.

Исключения из партии, связанные с религиозностью партийцев, составляли на момент проведения XI съезда РКП (б) немногим более 5 процентов от общего количества. Однако они демонстрировали устойчивость религиозных пережитков внутри самой партии⁸⁴.

Иначе объяснялась необходимость избегать другой крайности – «кавалерийских атак» на религию и церковь. Описанные выше эксцессы осуждались, прежде всего, как несущие опасность для общественного порядка, вызывающие возмущение верующих и увеличивающие риск открытых выступлений против власти. По-другому обосновывал необходимость осторожного подхода к антирелигиозной работе участник проводившихся в Агитационно-пропагандистском отделе ЦК РКП (б) антирелигиозных совещаний А. Логинов. Он отмечал, что «фантастические представления о действительности гнездятся в человеческих головах лишь потому, что в самых реальных условиях жизни людей имеется налицо соответствующая почва для этих представлений»⁸⁵. Условия для существования религиозных взглядов, по мнению партийного работника, должны исчезнуть вместе с наступлением социализма. До момента наступления этого момента антирелигиозная агитация в деревне «должна носить характер спокойной, осторожной беседы, корректного, учтвого углублённо-пропагандистского воздействия на сознание слушателей»⁸⁶. Пропагандист, как полагал А. Логинов, должен был не бороться, а заинтересовывать, не атаковать, а увлекать за собой, не ошеломлять ударом, а спокойно, настойчиво и упорно внедрять в сознание «правильные» представления о мире. По мнению пропагандиста, нельзя раздражать верующих и оскорблять их чувства, следовало вызывать противоположную «религиозным чувствам эмоцию»⁸⁷.

Таким образом, ведущую роль в выработке политики в отношении к церкви играли высшие партийные органы – Политбюро ЦК и Антирелигиозная комиссия. Что касается выработки методов реализации поставленных задач и осуществления этой политики на местах, то на первом этапе разви-

⁸³ Berger P.L. The desecularization of the world: a global overview // The desecularization of the world: resurgent religion and world politics (ed. P.L. Berger). Washington, D.C.: Grand rapids, 1999. P. 1–18.

⁸⁴ Luucanen A. Op. cit. P. 144.

⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 64.

РГАСПИ, Ф. 150, Оп. 1, Д. 64.

⁸⁶ Там же.

Ibidem.

⁸⁷ Там же.

Ibidem.

тия системы органов управления религиозной политикой ведущая роль принадлежала Ликвидационному отделу НКЮ. Однако постепенно основное значение переходит к органам ВЧК/ОГПУ. Представляется, что ослабление влияния НКЮ в деле проведения антицерковной политики советской власти связано в первую очередь с осознанием (более или менее отчётливым) руководителями антирелигиозной политики того факта, что искоренение религии из жизни советского общества – задача, едва ли достижимая в ближайшее время. Само по себе проведение в жизнь принципа отделения церкви от государства (даже в его радикальном варианте, с применением крайне жёстких методов) не гарантировало скорой победы. Наличие «пережитка прошлого» в лице церкви и поддержка её со стороны «тёмных масс» оказалось проблемой, которая требовала не единичных мероприятий, а планомерной работы по сбору информации о «враге», поиску слабых мест в его обороне и внесению раскола в ряды противника. Без этих мер ни удар по церковной собственности, ни репрессии, ни агитационно-пропагандистские кампании не давали желаемого результата.

Информация, касающаяся антицерковных мероприятий власти, содержится главным образом в документах фондов советских органов власти, сведения об антирелигиозной пропаганде – по преимуществу в партийных фондах. Однако разграничение полномочий было не всегда достаточно чётким. По крайней мере теоретически антирелигиозной пропагандой должны были заниматься органы просвещения. Партийные органы играли ключевую роль в процессе принятия решений, связанных с управлением страной, и поэтому в фондах подразделений РКП (б) содержится огромное количество документов, связанных с разработкой и реализацией антицерковной политики. «Деликатные» документы, касающиеся наиболее решительных, не допускающих огласки методов борьбы с «религиозным дурманом» и «контрреволюционным духовенством», хранятся главным образом в фондах ВЧК–ОГПУ–НКВД. Фонды VIII Отдела НКЮ и подчинённых ему региональных организаций формально должны содержать информацию, связанную с реализацией Декрета об отделении церкви от государства, т.е. по преимуществу с антицерковной политикой советской власти. Однако именно в этих фондах содержится важная информация, касающаяся антирелигиозной пропагандистской кампании, связанной с разоблачением мощей. Это означает, что для решения даже достаточно узкой исследовательской задачи следует обращаться к документам различных фондов.

Чрезвычайно важное значение имеет различие в информации, хранящейся в фондах центральных и региональных архивов. Необходимо внимательное сравнение документов, созданных на каждом из уровней управления. Если в центре имели место дискуссии, касающиеся в большей мере тактики и стратегии антирелигиозной работы, чем её целей, то на местах принимались разнообразные меры борьбы с церковными организациями. Они варьировались от крайностей «эксцесса исполнителя», неконтролируемых «кавалерийских атак» на религиозные организации до попыток мирного сосуществования и даже взаимодействия с представителями духо-

венства. Многообразие антирелигиозных практик делает трудноосуществимой задачу определения «природы» советской политики в отношении церкви и обуславливает важность детального изучения регионального материала. В центре разногласия касались скорее методов достижения общей для всех и никем не оспариваемой цели. Однако внимательное рассмотрение региональных материалов в рамках подхода «from the grassroots» – «истории снизу» – позволяет изменить угол зрения. На наш взгляд, такое исследование позволяет предположить, что в рамках раннесоветской политической системы уже существовал потенциал, который позднее позволит наладить отношения с религиозными организациями. Разумеется, этот потенциал мог быть полностью реализован только после окончательного уничтожения Русской Православной церкви как одного из институтов «буржуазного» или «феодального» государства и отказа самого Советского государства от «тоталитарных» устремлений к полному контролю над поведением всех членов общества. Первое, очевидно, было в целом реализовано к 1943 г., второе – в период правления М. С. Горбачёва. В это время, очевидно, и был осуществлён переход от насильственно секуляризированного общества к «постсекулярному». Является ли это изменение роли религии в жизни общества столь же закономерным, как, например, «второй демографический переход» в системе воспроизводства населения, или же по закону маятниковых колебаний на смену насильственной секуляризации должна со временем прийти «естественная», – тема для обсуждения не историков, а социологов и культурологов. Собственно говоря, для истории как таковой не столь уж важно, являются ли концепции «десекуляризации» и «пострелигиозного» соответствующими реальности. Важна та «новая оптика», новый подход, который позволяет отказаться от представления о предопределённости исторического процесса. Следует взглянуть на трагические события прошлого глазами людей того времени, делавших свой, зачастую мучительный, выбор. Они предполагали, надеялись, верили, но не обладали достоверным знанием об исходе разворачивающейся у них на глазах борьбы и о той цене, которую придётся заплатить за сделанный выбор им и их близким. Тот выбор, который делал каждый из участников событий, отчасти обуславливал дальнейший ход событий. Так люди (и не только те, кто обладал государственной или духовной властью) во многом определяли успех или неудачу того или иного «секуляризационного» предприятия. По справедливому замечанию Питера Бергера, «в религии, как и во всех остальных сферах человеческой деятельности, отдельные люди играют гораздо более важную роль, чем та, которую готовы признать за ними большая часть учёных-обществоведов и историков»⁸⁸.

Список литературы:

1. Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М.: Политиздат, 1991. – 398 с.

⁸⁸ Berger P. L. Op. cit. P. 1–18.

2. Крапивин М. Ю., Далгатов А. Г., Макаров Ю. Н. Внутриконтфессиональные конфликты и проблемы межконтфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.). СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 624 с.
3. Катунин Ю. А. Православие Крыма в 1917–1939 годах: проблема взаимоотношений с государством. Симферополь: МСП «Ната», 2002. – 416 с.
4. Кашеваров А. Н. Православная российская церковь и советское государство (1917–1922). М.: Издательство Крутицкого подворья, 2005. – 440 с.
5. Коголь Т. Н. Русская Православная церковь и советское государство в 1917–1927 гг. : (На материалах Западной Сибири): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1995. – 21 с.
6. Кривова Н. А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: «АИРО-XX», 1997. – 248 с.
7. Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М.: Кучково поле, 2001. – 720 с.
8. Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М.: Новый хронограф, 2002. – 272 с.
9. Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 424 с.
10. Петров С. Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП (б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.) / отв. ред. Н. Н. Покровский. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 408 с.
11. Регельсон Л. Л. Трагедия Русской церкви. 1917–1945. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – 632 с.
12. Савельев С. Бог и комиссары: К истории комиссии по отделению церкви от государства при ЦК ВКП(б) – антирелигиозной комиссии // Религия и демократия. На пути к свободе совести. М., 1993. Вып. II. С. 164–216.
13. Узланер Д. Картография постсекулярного // Отечественные записки 2013. № 1(52). С. 261–269.
14. Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI) Диалектика секуляризации. О разуме и религии / пер. с нем. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – 112 с.
15. Хоружий С. С. Постсекуляризм и ситуация человека. М.: Институт синергической антропологии, 2011. – 5 с.
16. Шкаровский М. В. Русская Православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М.: Издательство Крутицкого подворья, 2005. – 424 с.

17. *Berger P. L.* The desecularization of the world: a global overview // The desecularization of the world: resurgent religion and world politics (ed. P.L. Berger). Washington, D.C.: Grand rapids, 1999.
18. *Luucanen A.* The Party of Unbelief: The Religious Policy of The Bolshevic party, 1917–1927. Helsinki, 1994.

THE SOVIET ANTIRELIGIOUS AND ANTICHURCH POLICY: 1917–1920TH

A. V. Sipeikin

The Tver State University, the Dept of Russian History, *Tver, Russia*

This article is devoted to the history of developing of the soviet policy towards various religious organizations. The key role in this policy played the Antireligious commission of the Central Committee of the Russian Communist Party, the Eighth Department of the National Commissariat of Justice, and the Fifth Department of the All-Russian Extraordinary Commission. This study is based on the analysis of documents of both local and central institutions. The author says that for the “view from the grass-root” it is very important to study documents of local institutions. All Bolshevik leaders desired to eliminate all religious organizations, but discussed different means to gain this purpose. Local authorities varied from those who used radical measures against the religion to those who tried to comply with the Church.

Keywords: *Soviet antireligious policy, soviet antichurch policy, Antireligious commission of the Central Committee of the Russian Communist Party.*

Об авторе:

СИПЕЙКИН Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет, (Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, каб. 207), e-mail: sipeykin@yandex.ru

About the author:

SIPEIKIN Aleksandr Viktorovich – The Candidate of History, The Associate Professor, The Dept of Russian History, The Tver State University, (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya St., 16/31, office 207), e-mail: sipeykin@yandex.ru

References

- Alekseev V. A., *Illyuzii i dogmy*, M., Politizdat, 1991.
Krapivin M. Yu., Dalgatov A. G., Makarov Yu. N., *Vnutrikonfessional'nye konflikty i problemy mezhhonfessional'nogo obshcheniya v usloviyakh*

- sovetskoi deistvitel'nosti (oktyabr' 1917 – konets 1930-kh gg.)*, SPb., Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005.
- Katunin Yu. A., *Pravoslavie Kryma v 1917–1939 godakh: problema vzaimootnoshenii s gosudarstvom*, Simferopol', MSP «Nata», 2002.
- Kashevarov A. N., *Pravoslavnaya rossiiskaya tserkov' i sovetskoe gosudarstvo (1917–1922)*, M., Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya, 2005.
- Kogol' T. N., *Russkaya Pravoslavnaya tserkov' i sovetskoe gosudarstvo v 1917–1927 gg. : (Na materialakh Zapadnoi Sibiri)*, avtoref. dis. ... kand. ist. nauk., Tomsk, 1995.
- Krivova N. A., *Vlast' i Tserkov' v 1922–1925 gg. Politbyuro i GPU v bor'be za tserkovnye tsennosti i politicheskoe podchinenie dukhovenstva*, M., «AIRO-XX», 1997.
- Kurlyandskii I. A., *Stalin, vlast', religiya (religiozniy i tserkovnyi faktory vo vnutrennei politike sovetskogo gosudarstva v 1922-1953 gg.)*, M., Kuchkovo pole, 2001.
- Leont'eva T. G., *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.*, M., Novyi khronograf, 2002.
- Petrov S. G., *Dokumenty deloproizvodstva Politbyuro TsK RKP (b) kak istochnik po istorii Russkoi tserkvi (1921–1925 gg.)*, / otv. red. N. N. Pokrovskii., M., «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSPEN), 2004.
- Savel'ev S., *Bog i komissary: K istorii komissii po otdeleniyu tserkvi ot gosudarstva pri TsK VKP(b) – antireligioznoi komissii*, *Religiya i demokratiya. Na puti k svobode sovesti*, M., 1993, Vyp. II.
- Odintsov M. I., *Russkaya pravoslavnaya tserkov' nakanune i v epokhu stalinskogo sotsializma. 1917–1953 gg.*, M., Politicheskaya entsiklopediya, 2014.
- Regel'son L. L., *Tragediya Russkoi tserkvi. 1917–1945*, M., Krutitskoe patriarshee podvor'e, 1996.
- Uzlaner D., *Kartografiya postsekulyarnogo*, *Otechestvennye zapiski*, 2013, № 1(52).
- Khabermas Yu., Rattsinger I. (Benedikt XVI), *Dialektika sekulyarizatsii. O razume i religii*, per. s nem., M., Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andrey, 2006.
- Khoruzhii S. S., *Postsekulyarizm i situatsiya cheloveka*, M., Institut sinergiinoi antropologii, 2011.
- Shkarovskii M. V., *Russkaya Pravoslavnaya tserkov' pri Staline i Khrushcheve (Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v SSSR v 1939 – 1964 godakh)*, M., Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya, 2005.

Статья поступила в редакцию 19.05.2016 г.